

A person with short brown hair, wearing a dark blue hoodie and blue jeans, stands with their back to the camera in a field of tall, yellow corn. They are looking towards a two-story, weathered wooden house with a rusty corrugated metal roof. The house has several windows and a porch. The sky is overcast with grey clouds.

Ник Пустоветов

В кукурузе. Записки из рехаба

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ник Пустоветов

В кукурузе. Записки из рехаба

<https://litres.ru/74339353>

SelfPub; 2026

Аннотация

Откровенный дневник девяти месяцев в закрытом реабилитационном центре для наркозависимых. Автор приходит туда добровольно, но уже на пороге понимает: реальность не совпадает с ожиданиями. Вместо клиники — мрачный дом с историей убийств и насилия. Вместо лечения — тотальный контроль через режим, голод, физическое насилие и психологические манипуляции.

Глава за главой книга разбирает механизмы системы: коллективные наказания, дозированные привилегии, разрушение личных связей, ложь родственников и консультантов. Автор пытается сбежать, объявляет голодовку, режет себе вены — и каждый раз система отвечает жёстче.

Но он не сдаётся. Он сохраняет критическое мышление, видит манипуляции, отказывается быть частью «стада». И в финале выходит.

Содержание

Пролог. Странный запах	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

В кукурузе.

Записки из рехаба

Пролог. Станный запах

Я переступаю порог и думаю: «Блядь, ну я перегнул палку». Наверное, не надо было сюда ехать. Я представлял это вообще как клинику. А это оказывается просто дом. Внутри пахнет странно. Не мерзко, не отвратительно — я никогда в жизни не ощущал такого запаха. Сухой. Чужой.

За окнами — мерзкая серая погода. Снег тает, но без весны. Январь, часа три-четыре дня, а в доме темно, потому что лампочки не горят. Вся эта серость передалась внутрь.

Вижу людей кавказской национальности. Один смотрит на меня. Взгляд банальный, типа: «Ну, ещё один. Видимо, тяжело ему придётся».

Я стоял ссутулившись, руки в карманах. Я очень плох, не спал после долгого состояния. Сделал один робкий шаг вперёд и замер.

Глава 1. Вход

Кажется, руководитель программы, который зашёл со мной, что-то говорил с мамой. Я её даже не видел — она сто-

яла за спиной, и мне было неинтересно. Я приехал по своему желанию, но только переступив порог, понял: всё. Я уже в кукурузе. Что-то пошло не так.

Состояние херовое. Я говорю: «Мне нужно отдыхать. Давайте поднимемся в комнату и сделаем капельницу». Они отреагировали: «Да, да, конечно, пойдём».

Меня повели наверх. Откат ещё не пришёл — я двигался нормально, по крайней мере мне так казалось. Лестница оказалась обычной: деревянной, качественной, хозяин дома в 98-м сделал её, наверное, лучшей, какую мог. Я просто поднимался. Мы прошли по коридору. Там были комнаты. И как оказалось, меня завели в самую плохую из них — маленькую, в сравнении с остальными. Внутри стояли двухъярусные кровати. Стены зелёного цвета. Я увидел окно с решёткой. И мне это очень не понравилось.

Мне показали на кровать — мол, ложись. Я говорю: «Капельницу». Они рассмеялись. Я повторяю: «Да, да, да. Капельницу». Почему-то сказал: «Холодно у вас тут». Хотя на самом деле ещё не понимал, холодно или нет. Просто снял куртку.

Мне было очень плохо. Я лёг и провалился.

Когда открыл глаза — было уже темно. Часов, наверное, восемь-девять вечера. В комнате горел свет. Двое ребят сидели и общались — не соседи, а те, кто присматривает за новичками. Я попросил курить. Они сказали: «Да, пойдём, выведем».

Мы спустились по лестнице. Проходя мимо кухни, я вдруг ощутил голод — долго не ел. Заглянул и говорю: «Давайте поедим». У меня было ощущение, что даже если это не санаторий, то хотя бы дом. В любое время можно поесть, покурить, попить кофе. Телефон в руках, джакузи набрать. Комфорт. Я ещё не знал, как сильно я ошибался.

Первое подозрение возникло, когда они сказали: «Ну давай, зайдём. Ты новичок, у тебя прерогатива — поесть отдельно. Посмотрим, может, что-то осталось. Попытаемся что-то придумать». Мне это уже не понравилось. Мы зашли на кухню. Мне сделали пару каких-то бутербродов.

Я сидел, рассматривал кухню — она была неплохой. Ел бутерброды, пил чай, получил удовольствие от еды. Единственное, о чём я думал: я так давно не получал удовольствия от еды.

После этого меня вывели покурить. Не на улицу, а в мини-прихожую, железная дверь была закрыта. Стояли, курили. Они сказали: «Видишь, группа вся занимается, а мы с тобой тут курим. Ты важный». Я не знаю, зачем они это сказали. Может, пытались расположить меня к себе, чтобы потом загнать в ту же кукурузу. Новичок первые три дня — золотой, самый важный. А потом всё резко заканчивается.

У меня же произошло по-другому.

Когда я отсидел, мы укладывались спать в комнате. Я хотел просто уснуть, провалиться. В комнатах режим тишины — после отбоя нельзя разговаривать. Но ребята, которые бы-

ли здесь дольше, спокойно общались, шутили. Я не выдержал, сказал: «Давайте спать, ляжем». Они отреагировали с усмешками, но заткнулись.

Проснулся ночью. Тишина стояла гробовая — пугающая, особенно когда в доме столько людей. В углу заметил парня. Он лежал на кровати, курил электронку и смотрел в пустоту — как в фильме, будто вспоминал что-то важное. Я попросил у него электронку. Он дал. Я покурил и вырубился спать.

Завтрак в рехабе был неожиданно сытным. Продукты дешёвые, но их было много, хватало всем. Я никогда в жизни не мог есть каши. А тут — съедал по две тарелки, и они казались вкуснейшей едой на свете. Ложился спать голодным и думал только о том, как встану и буду есть. Организм восстанавливался после длительного истощения. За первый месяц я набрал 12 килограммов. Заехал с 50, а через месяц весил почти 60.

Размышление после главы 1

Вход задал главный конфликт всей истории. Я шёл в клинику, а попал в дом — и это разрывало шаблон. «Кукуруза» — это не просто сленг, это состояние, когда реальность искажается до неузнаваемости. Решётка на окне — первый удар по надежде, который я увидел сразу, но не до конца осознал. Я пытался договориться, просил капельницу, думал, что смогу контролировать процесс. А уже ночью понял: я не гость, я заключённый. И первая ночь с гробовой тишиной

и парнем с электронкой — как кадр из фильма, который я запомнил навсегда. А завтрак с кашей — первый знак, что тело берёт своё, даже когда разум в аду. Я набрал 12 килограммов за первый месяц — это не просто цифра, это физическое свидетельство того, что я возвращался к жизни, даже когда думал, что умер.

Глава 2. Кукуруза

Меня накрыло. Я просто выпал в параллельную реальность. Я думал, что умер и попал в ад, что это чистилище. Движущиеся стены, люди, переговаривающиеся на уровне мыслей — мне казалось, я видел, что происходит за стенами. Телефон разблокировали, зашли в карточки, перевели все деньги. Мама с братом приехали, не могут меня забрать, стоят под домом — я их вижу. Это не рехаб, а сборище преступников, собранное гением-злодеем Мориарти. Я понимал, что то, что я вижу, нереально, и другой реальности у меня не было. Я думал: единственное логическое объяснение — я просто умер и попал в ад, в чистилище.

Моментами ко мне возвращалось сознание. Я был обессиленный. Пытался ломиться из дома, разбивал окна — на них решётки. Меня связывали, я дрался. Резал себе руку, вскрывал вены, надеясь, что меня выпустят. Цеплялся зубами в горло консультанту. Меня били, вязали, купали в холодной воде, топили. Страшное чувство, когда не можешь дышать — паника, когда через полотенце льют воду на лицо, когда

закидывают в холодную ванну с головой, чтобы потушить.

Для них это было нелёгкое время. Один консультант сказал: «Зачем мы с тобой связались?» Я ответил: «Не знаю». Они говорят: «Знали бы правду — не связались».

Я ночевал привязанный скотчем к колонне. Полностью обмотанный. Я и не спал — это сном трудно назвать. Со мной в группе спали не в консультантской, а два консультанта, два волонтера, два стажера. Давно этот дом такого не видел.

Я пытался всеми способами. Услышал про нереальные сроки — 9 месяцев, год, полгода. Я был в ужасе. Когда ко мне возвращалось сознание, я понял, что надо делать ноги.

Лица менялись. Красивые ребята превращались в свиные рыла — страшные, мерзкие, как будто я видел их суть. Мне казалось, что в доме есть потайные комнаты, где ставят опыты над людьми. А ещё казалось, что брат ездил на машине по району, искал меня, нашёл этот дом, выстрелил из травмата в камеру. А они стояли и смеялись. «Фигня, — говорили, — какой смелый мальчик, молодец».

На седьмой день я вышел в группу. Меня встретили ласково: обнимали, говорили: «Брат, так хорошо, что ты вернулся». Я видел ребят, которые сидели и говорили, что не хотят выходить из рехаба, им страшно. Видел, как ребята со звёздами на коленях разбирали обиды друг с другом. Для меня это показалось адским местом, где сломали психику.

Они обнимались, кричали молитвы, считалки.

Одна из них звучала так:

Я пришёл сюда, потому что мне больше некуда бежать от самого себя.

Я убегаю, пока не увижу себя в глазах и сердцах других.

Здесь я могу увидеть себя таким, какой я есть:

никак — карлика, каким делает меня мой страх,

не как великана, каким делает меня моя гордыня,

но личностью, частью целого, имеющей своё предназначение.

Здесь я могу найти благодатную почву для роста.

Я стоял, смотрел на это в ужасе. И в голове была мысль: «Что это, сука, самый странный дом на свете? Что здесь вообще какая-то дьявольщина происходит? Что я в секте какой-то?» Здесь сломанные люди. Полностью поломанные. Их здесь сломали, полностью загнали под режим. Людей, которых не сломали на красных зонах и в мусоре, здесь сломали консультанты. Просто. Я боялся. Появился страх, что по ходу всё, я прилип. Здесь я по ходу и останусь. Возможно, отсюда я уже никогда не выйду, если продолжу гнуть свою линию.

Размышление после главы 2

Эта глава — сердце моей истории, мой полный срыв. Шиза была не просто галлюцинациями — это был защитный механизм психики, которая не выдерживала разрыва меж-

ду ожиданием и реальностью. Я создал себе ад, Мориарти, потайные комнаты, потому что принять настоящий ад было слишком больно. А система отвечала на мою боль холодной водой, скотчем и побоями. Кричалка, которую я запомнил, — не потому что она меня вдохновляла, а потому что она была символом того, как они забирают у людей их собственную речь и вкладывают в уста готовые формулы. А момент просветления на седьмой день — я вышел в группу и увидел, что они не чудовища, а такие же люди. Но вместе с этим пришло понимание: это место не лечит, а ломает. Я решил, что не дам себя сломать.

Глава 3. Голодовка

Я голодал 4 дня на сухую. Это была самая долгая голодовка. Мне нельзя было вставать с кровати, со мной нельзя было разговаривать. Напротив меня день и ночь дежурил волонтер, чтобы я не спал днём — спать разрешалось только ночью. Если я засыпал, волонтер подходил и будил. Я лежал весь день невымытый, в одной и той же одежде. Лежал, варился в своих мыслях. Еду поднимали в комнату, я отказывался, её выбрасывали. Я даже не пил — надеялся довести себя до плохого состояния, чтобы меня забрали в больницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.